

Увидев такие колебания Ло Тяньчэна, Чжао Чжэн невольно запаниковал и хотел возразить, но едва ступив вперёд, был остановлен Цзо Вэньцяо, который потянул его за рукав, передал взглядом предостережение и покачал головой. Чжао Чжэну ничего не оставалось, как крайне неохотно отступить назад.

Ло Тяньчэн устался на лежащий перед ним доклад, и снова вспомнились слова, сказанные ему Ло Цинъяном прошлой ночью перед уходом:

— Ситуация в Цзинчжоу критическая. По мнению Цинъяна, самым подходящим для руководства походом на юг является генерал Хо Ци. Просто в столице ходят слухи, что отношения между тобой, Тяньчэн-гэ, и генералом Хо подобны воде и огню. Тяньчэн-гэ, ты всегда был тем, кто ставил интересы Поднебесной выше всего остального.

Да, и что может быть важнее спокойствия в Поднебесной? Что же до Хо Ци... после возвращения в столицу он не сблизился с Ло Тяньшэнем, так что, пожалуй, можно ему немного доверять?

Он долго размышлял и в конце концов принял решение:

— Прибыть сюда! Передайте от моего имени приказ — вызвать Хо Ци во дворец.

* * *

Март, летают иволги, в Цзяннани буйно растёт трава. Белые стены и чёрная черепица домов, выстроившихся у воды, маленькие лодки и утлые челны, неспешно плывущие по реке. На берегу торговец с ярко-красными тангхулу на плечах, дети наперебой покупают их. И девушки, продающие цветы, — такие же свежие, как вода, их аромат наполняет переулки. Цзянду как раз переживает весеннюю пору.

Время от времени накрапывает весенний дождь, капли падают в обводной канал, окружающий город, поднимая брызги, от которых рыбы под водой подпрыгивают. На лёгкой лодке посреди реки стоит юноша в белых одеждах. Увидев это, он не удержался и попросил у гребца-лодочника немного рыбьего корма, понемногу бросая его в воду. Рыбы, желая урвать корм, сбиваются в стаи, выпрыгивают из воды. Девочка на берегу, увидев это, от удивления вскрикнула, дёрнула родителей за рукава и остановилась, чтобы полюбоваться.

У юноши как раз закончился корм, и они достигли места назначения. Лодочник взял с него всего три медяка. Глядя на юношу, сходящего на берег, лодочник с улыбкой спросил:

— Когда в следующий раз господин планирует выехать из города?

Ступив на землю и раскрыв бамбуковый зонтик, юноша подшутил:

— Время ещё не определено. И снова взяли всего три монеты, брат Мо, вы же каждый раз в убытке?

Лодочник оттолкнулся шестом, лодка плавно отошла от берега, медленно удаляясь.

— В следующий раз господин Хо тоже поедет? — спросил лодочник, не отвечая на вопрос.

Юноша кивнул.

— Должно быть. У него много дел, не знаю, найдёт ли время.

Лодка вышла на середину реки, течение явно усилилось. Лодочник больше не стал распространяться, только напутствовал:

— Если в следующий раз снова поедете, предупредите меня заранее.

Юноша помахал рукой.

— Ладно, заранее благодарю брата Мо.

Лишь когда лодка скрылась из виду, юноша развернулся и пошёл прочь.

Спустя мгновение он оказался у ворот усадьбы. На арке ворот крупными иероглифами было написано: «Двор Циншуй». Привратник, увидев его возвращение, поспешил подойти и принял вещи из рук юноши.

Юноша стряхнул капли воды с туфель и спросил:

— Где господин Хо?

— Только что видели его в саду Уцзин, — ответил слуга, приняв вещи и пройдя с юношей часть пути, затем понизив голос, придвинулся к его уху. — Вы не представляете, господин Хо с утра велел принести благовония и бумагу для подношений. Ваш слуга из любопытства спросил: «Господин Хо, это вы кого-то поминаете?»

Юноша остановился и, повернув голову, спросил:

— Кого?

Слуга, увидев, что он остановился, тут же замер на месте.

— Кажется, какую-то госпожу по фамилии Гу. Подробностей ваш слуга не осмелился спрашивать.

— Хм, — юноша кивнул и снова зашагал. — Я знаю, кто это.

Слуга, услышав это, хоть и хотел разузнать подробнее, но они подошли к развилке дорог, и ему пришлось лишь поклониться и удалиться.

Юноша дошёл до сада Уцзин, вошёл в ворота и действительно увидел, что в главном зале поднимается дымок от благовоний. Хо Ци зажжёт благовонную палочку и вставил её в курильницу перед собой.

Юноша был несколько недоволен, и в его голосе послышался упрёк:

— Господин Хо, кого это вы поминаете? Неужели думали, что я сегодня не вернусь?

Хо Ци, услышав голос, обернулся и увидел в дверях Ло Цинъяна. За эти годы юноша подрос, стал стройным и прекрасным, как изумрудный бамбук. Черты лица стали более чёткими, ослепительно яркими, завораживающими. Сейчас, в белых одеждах, скрестив руки на груди и прислонившись к косяку двери, он выглядел холодным и отрешённым, но от него всегда веяло пленительным очарованием.

— Ты вернулся. Разве не говорил, что приедешь завтра?

Услышав это, Ло Цинъян недовольно надул губы.

— Что, я вернулся раньше и помешал чему-то?

Он говорил, входя внутрь, подошёл к Хо Ци и прямо взглянул ему в глаза.

Хо Ци с безразличной улыбкой обнял его за талию, притянул юношу к себе и тихо прошептал:

— Каким делам? Я только рад, что ты вернулся раньше.

Ло Цинъян смотрел на струйки дыма, поднимающиеся из курильницы, прикусывая нижнюю губу, тихо сказал:

— Врёшь. Разве ты рад? Я не вижу.

— Не видишь? — Улыбка в уголках рта Хо Ци стала глубже.

Он взял тонкую, белую, изящную руку юноши и опустил её вниз, дотронувшись до своего уже наполовину возбуждённого места.

— Не видишь, но можешь почувствовать.

— М-м! — Ло Цинъян с лёгким испугом отдернул руку, смущённый и рассерженный, со страстным блеском в уголках глаз, укоряя:

— Ах ты, распутник, среди бела дня уже лапаешь меня.

Хо Ци, услышав это, громко рассмеялся, протянул руку, чтобы подразнить его, и в голосе его послышалась сдержанность:

— Сегодня день памяти Хуайин. Умершим воздаётся должное, мне не подобает тебя трогать. Но завтра ты заплатишь за эти слова сполна.

Услышав это, Ло Цинъян покраснел, снова взглянул на благовония и бумагу в главном зале и спросил:

— Все эти годы ты помнишь день памяти госпожи Гу, это можно назвать чувством долга и верностью. Но ты всегда не хочешь рассказывать мне о прошлом, заставляя меня ревновать впустую. Разве это не намеренно злить меня?

Хо Ци замолчал на мгновение и вздохнул.

— Всё это в прошлом. Рассказывать тебе — лишь напрасно ранить сердце.

Ло Цинъян не согласился, взял руку Хо Ци, заставив того встретиться с ним взглядом, с серьёзным выражением в глазах:

— Неважно, ранит или нет, я должен знать. Господин Хо, я хочу знать. Я хочу знать всё о тебе.

Произнося последнее, он снова начал капризничать.

Хо Ци больше всего не выносил его нарочито соблазнительного вида, дыхание его участилось. Схватив юношу за талию, он приблизился к его уху и, дыша горячо, прошептал:

— Ты что, потому что знаешь, что сегодня тебя не тронут, так и стараешься меня соблазнить? Не боишься завтра не сойти с кровати?

Ло Цинъян от досады и смущения топнул ногой, со смехом бранясь:

— Тяньчэн-гэ был прав, внутри ты большой негодяй, обижаешь слабых и маленьких, только и знаешь, что дразнить меня.

Хо Ци, возбуждённый его кокетливым видом, наклонился и поцеловал его в щёку. Лёгкий тонкий аромат с фарфоровой кожи юноши проник в каждую клеточку тела Хо Ци, вызвав горячий поток внизу живота. Мужчина невольно тихо застонал, отступил на полшага назад, отдаляясь от этого соблазнителя.

Ло Цинъян не знал, что Хо Ци, соблазнённый им, едва мог сдержаться. Увидев, что тот, поцеловав его, отступил, он подумал, что от него пахнет, и смущённо сказал:

— Вчера было много дел, не успел помыться. Неужели от меня неприятный запах?

Хо Ци, видя, что тот неправильно понял его действия, не стал объяснять, лишь сказал:

— Именно так. Поэтому сегодня вечером, когда будешь мыться, нужно тщательно очистить всё, снаружи и внутри.

Слова «внутри» он произнёс с небольшим ударением. Ло Цинъян понял, что тот снова над ним подшучивает, и, не желая с ним связываться, развернулся, чтобы уйти. Но Хо Ци схватил его за запястье.

Мужчина с покорным видом стал просить прощения:

— Я виноват, Яньэр, не сердись. Разве ты не хотел послушать о Хуайин? Сначала прими ванну, затем ложись на тахту, я тебе помассирую плечи. Наверное, за эти дни сильно устал?

Услышав, что мужчина признал вину, Ло Цинъян немного успокоился, согласился и отправился мыться.

Пока он занимался своими делами, благовония и бумага для подношений в главном зале уже были убраны. Они вернулись в спальные покои. В северной части комнаты стояла большая кровать, на ней аккуратно сложено шёлковое одеяло, вокруг висят занавеси цвета граната, подвязанные золотыми крючками. Занавеси колышутся от ветра, врывающегося в комнату. В восточной части поставлен сандаловый диван для отдыха. Хо Ци сидел на диване, а Ло Цинъян лежал, склонившись на его коленях, позволяя Хо Ци нежно массировать ему плечи и спину. От приятных ощущений Ло Цинъян тихо постанывал и томно произнёс:

— Разве ты не собирался рассказать о госпоже Гу?

Хо Ци тихо хмыкнул и начал рассказывать о своей истории любви и ненависти с Гу Хуайин.